

сии. Мн., 1971; Титок В. А. Формирование и революционная борьба железнодорожного пролетариата Белоруссии во второй половине XIX – начале XX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Мн., 1966.

¹³ История рабочего класса Белорусской ССР: В 4 т. Т. 1: Рабочий класс Белоруссии в период капитализма. Мн., 1984.

¹⁴ Улащик Н. Н. Грамотность в дореволюционной Белоруссии // История СССР. 1968. № 1; Тальвирская З. Я. К вопросу о социальном облике мелкого дворянства в 1860-х годах (по материалам трех уездов Минской губ.) // Историко-социологические исследования. М., 1970; Верецагин П. Д. Крестьянские переселения из Белоруссии (вторая половина XIX в.). Мн., 1978; Бейлькин Х. Ю. Рост торгового земледелия в Белоруссии в 80–90-е гг. XIX в. // Вопросы истории. Мн., 1976. Вып. 3; Ён жа. Сельскохозяйственный рынок Белоруссии 1861–1914 гг. Мн., 1989; Этнаграфія беларусаў: гістарыяграфія, этнагенез, этнічная гісторыя. Мн., 1985; Грамадскі быт і культура сельскага насельніцтва Беларусі. Мн., 1993; Крук У. П. Сялянскі рух на Беларусі. Мн., 1993; Грамадскі быт і культура гарадскога насельніцтва Беларусі. Мн., 1990.

¹⁵ Шыбека З. В. Гарады Беларусі (60-я гады XIX – пачатак XX стагоддзя). Мн., 1997; Ён жа. Сацыяльнае размежаванне беларусаў у канцы XIX ст. // Весці АН БССР. Сер. грамад. навук. 1991. № 6; Жытко А. Палітыка царызму у адносінах да дваран-католікаў Беларусі. 1861–1914 гг. // XX стагоддзе ў гісторыі палякаў і беларусаў: Матэрыялы беларуска-польскай навуковай канферэнцыі, Мінск, 20–21 лістапада 2000 г. Мн., 2001; Каханоўскі А. Г. Дваранства Беларусі ў другой палове XIX ст.: склад і сацыяльнае аблічча // Гістарычная навука і гістарычная адукацыя: новыя канцэпцыі і падыходы: У 2 ч. Ч. 1: Гісторыя Беларусі. Мн., 1994; Ён жа. Саслоўная і сацыяльна-прафесійная стратыфікацыя беларускага грамадства ў 60–90-ых гг. XIX ст. // Выбраныя навуковыя працы Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта: У 7 т. Т. 2: Гісторыя. Філасофія. Журналістыка. Мн., 2001.

¹⁶ Роцька Н. А. Чыноўніцкі апарат на Беларусі (1863 г. – канец 70-х гг. XIX ст.) // Гістарычная навука ў Белдзяржуніверсітэце на рубяжы тысячагоддзя. Мн., 2000; Лобков А. А. Изучение социальных процессов в Беларуси конца XIX в. на основании данных первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. // Гістарычная навука ў Белдзяржуніверсітэце на рубяжы тысячагоддзя. Мн., 2000.

¹⁷ Анфимов А. М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России. М., 1969; Корелин А. П. Дворянство в пореформенной России. 1861–1904 гг. Состав, численность, корпоративная организация. М., 1979; Ковальченко И. Д., Бородкин Л. И. Аграрная типология губерний Европейской России на рубеже XIX–XX вв. (Опыт многомерного количественного анализа) // История СССР. 1979. № 1; Яны ж. Промышленная типология губерний Европейской России на рубеже XIX–XX вв. (Опыт многомерного количественного анализа по данным промышленной переписи 1900 г.) // Математические методы в социально-экономических и археологических исследованиях. М., 1981; Лейкина-Свирская В. Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М., 1971; Рындзюнский П. Г. Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX века. М., 1983; Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): В 2 ч. СПб., 1999.

Каханоўскі Аляксандр Генадзьевіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, загадчык кафедры гісторыі Беларусі новага і навішага часу.

В.Н. ТЕМУШЕВ

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ТЕРРИТОРИИ И ГРАНИЦ СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОСУДАРСТВА (на примере Московского княжества конца XIII – середины XIV в.)

Историческая география и, в частности, ее раздел историческая политическая география – не часто привлекали внимание исследователей. Выяснение же динамики территориальных изменений в составе государственных образований прошлого, конкретизация пространственного размещения древних княжеств и земель, определение границ территорий позволяют по-новому с большей долей объективности взглянуть на политические и социально-экономические процессы, проходившие в изучаемых регионах.

Связь географического положения с политическими тенденциями, вознесшими Москву во главу русских земель, несомненна. Из маленького, зажатого между сильными соседями княжества во многом благодаря неудовлетворенности своими территориальными пределами Москва развилась и выросла в сильнейшее государство Восточной Европы. Именно удобное расположение Московского княжества позволило ему нарастить экономическую мощь, необходимую для борьбы за верховенство в Северо-Восточной Руси. Первые московские князья заложили основы московского могущества,

определив характер власти и политики на будущие времена. Территория Московского княжества при них стала ядром объединения русских земель, сложившихся к концу XV в. в единое Российское государство.

Несмотря на неослабевающий интерес к политической и социально-экономической истории Москвы, вопрос о ее земельных владениях и государственных границах рассматривался редко. Лишь в двух монографиях (М.К. Любавского¹ и А.А. Юшко²) исследовалось территориальное устройство Московской земли. Однако и в них не была выявлена динамика роста московской территории и не рассмотрена подробно структура княжества (местоположение волостей, состав уделов и т. д.). До сих пор нет ни одной работы, определяющей первоначальные границы Московского княжества, доставшегося младшему сыну Александра Невского князю Даниилу. Эволюция удельной системы Московского княжества прослеживается историками, начиная с Дмитрия Донского. Заложенная же Иваном Калитой основа удельного владения остается без внимания. Даже введенные в научный оборот источники часто остаются без пристального изучения (например, межевые грамоты начала XVI в.). Таким образом, перечисленные вопросы еще ждут исследования.

Образование нового княжества на периферии Владимиро-Суздальской Руси было следствием политической и экономической ситуации, складывавшейся в Восточной Европе с середины XIII в. Батыево нашествие и последовавшие за ним татарские набеги, направленные на поддержание зависимости Руси от Орды, привели к тому, что могущество Владимиро-Суздальского княжества и его правителей было подорвано. Центральные районы Владимирской земли опустошены и экономически обескровлены³. Терялось политическое значение Владимира как средоточия власти над значительной территорией русских земель. В то же время окраины Владимиро-Суздальской Руси приобретали импульс для своего развития как экономического, так и политического. Прежде малозаселенные и неосвоенные территории получали приток многочисленных беженцев. Окраинные регионы еще были лишены развитого боярского землевладения, и местные князья имели большую материальную выгоду от общинных земель, подчиненных непосредственно им. Так, вокруг Москвы на не освоенных прежде землях появляются целые волости, становившиеся доменными княжескими владениями. Первое время немногочисленное московское боярство обладало лишь владениями в непосредственной близости от Москвы. Экономическое благополучие усиливало и политическую власть московских князей. В итоге обособление Москвы стало следствием реальных социально-экономических и политических процессов, проходивших в Восточной Европе во второй половине XIII в. Подобная же ситуация послужила причиной возникновения и других княжеств на окраинах Владимиро-Суздальского княжества – Тверского, Белозерского, Галицкого, Костромского и Городецкого⁴.

О Московском княжестве, появившемся в 70-х гг. XIII в. на периферии Владимиро-Суздальской земли, за первые 60–70 лет его существования практически не сохранилось сведений в источниках*. Ничего нельзя сказать о его территории, и поэтому необходимо использовать двоякого рода сведения, подходя к определению изначальной пространственной протяженности княжества с разных сторон. Во-первых, приблизительная территория первоначального Московского княжества выявляется с помощью источников, описывающих пограничные районы московских соседей – Рязанского, Черниговского, Смоленского княжеств, Новгородской земли. Намеченную для середины XII–XIII вв. область распространения юго-западных ростово-

* Только в 1336 и 1339 гг. Иваном Калитой были составлены духовные грамоты с подробным отчетом о московских владениях.

суздальских земель* можно сравнить с территорией, определяемой по источникам, начиная с середины XIV в. Изучая уже непосредственно московскую территорию по данным XIV–XVII вв., подходим к определению пределов Московского княжества конца XIII – первой половины XIV в. с другой стороны. Первый и второй пути исследования дополняют друг друга и в общем создают довольно точное представление о пределах Московского княжества того времени.

Итак, при определении первоначальных границ Московского княжества можно пойти двумя путями (ориентируясь по времени). Эти два пути (**метода**) назовем *ретромобильным* и *футуромобильным*, обозначая способ получения результатов – двигаясь от прошлого к будущему и от будущего к прошлому. Московское княжество выделилось из состава Владимиро-Суздальского княжества. Таким образом, намечая пределы юго-западной окраины последнего, выявляем часть московских границ.

Первый путь не дает ясного видения древних московских границ, он лишь намечает их основные контуры, исходя из представлений о сложившихся границах ростово-суздальских (владимирских) земель. Не всегда источники позволяют точно определить пределы этих земель, к тому же, следуя таким путем, могут быть намечены лишь южные и частично западные границы Московского княжества. Другие границы, прежде всего северные и восточные (в рамках Ростово-Суздальского княжества), останутся невыясненными.

Вторым путем нужно идти, опираясь на сведения источников XIV–XVII вв. Чтобы выявить первоначальное ядро Московского княжества, необходимо отнимать от его территории те земли, которые Москва приобретала в процессе своего развития. Здесь можно использовать значительно большее количество источников, приобретающих документальный характер (духовные и договорные грамоты, межевые грамоты, писцовые книги и другие акты). Картина государственного строительства конца XIII в., полученная благодаря второму пути исследования и дополненная данными первого, позволит более точно определить первоначальную территорию, подвластную Москве.

Отметим необходимость комбинирования еще двух методов изучения московских границ (двигаясь в пространстве). Эти пути (**методы**) условно назовем *внутренним* и *внешним (экстериорным и интестинорным)***. Локализуемые пограничные московские пункты выявляют московские пределы как бы изнутри. Определяемые пограничные области соседних с Московским княжеств и земель (Смоленское княжество, Верховские княжества, Рязанское, Дмитровское, Владимирское, отчасти Муромское, Тверское княжества и др.) подтверждают и уточняют уже намеченные границы. Второй путь более сложен, так как источники, позволяющие указать границы пограничных с Москвой земель, еще малочисленнее, чем московские, и приходится обращаться к более поздним актам XV–XVII вв., искажающим реальность XIV в. При изучении московских границ этот прием играет второстепенную, вспомогательную роль и реализуется только в случае отсутствия необходимых сведений по московским землям. Однако при выявлении границ юго-западной окраины Владимиро-Суздальского княжества этот метод будет, пожалуй, единственным, так как практически никаких сведений о территориальном составе владими́ро-суздальских земель в изучаемом регионе нет.

* С третьей четверти XII в. правильнее называть эту территорию владими́ро-суздальской. (Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. С. 89.)

** От латинских слов «exterior» – внутренний и «intestinus» – внешний.

Ввиду недостаточности источников (особенно для конца XIII – начала XIV в.) большую роль в определении территорий русских княжеств и земель играет *ретроспективный метод* исследования. Большинство административно-территориальных единиц Северо-Восточной Руси сохраняли свои пределы на протяжении довольно длительного времени, а изменения в них, как правило, отражались в источниках. Границы многих уездов Московского государства более позднего времени очень часто фиксировали древние пределы ранее существовавших княжеств, уделов, земель. Таким образом, для обозначения границ и земельных пределов какой-либо области необходимо использование источников более позднего периода, однако при этом нужно учитывать демографический и колонизационный факторы.

С течением времени увеличивалось количество населения, осваивались новые, пустовавшие до той поры земли, расширялись территории волостей, станов, появлялись новые территориальные единицы. Известные нам акты фиксируют состояние России после пережитых достаточно трудных для населения времен. Поэтому нередки случаи сокращения освоенных земель, появления пустошей на месте деревень и сел. Так, акты XVII в. не могут дать сведений о пределах многих земель, запустевших после Смутного времени начала столетия⁵. Ю.В. Готье затрудняется определить для XVII в. местонахождение таких можайских станов, как Ворский, Старковский, Ренинский, Тарусицкий, Тешинов и Загорье, Зубатый и др., так как в них почти не фиксируются населенные пункты. Территории волостей оставались, но выявить их затруднительно, поэтому часть станов историк отмечает не на своих местах, известных по актам более раннего времени (неправильно указано местоположение Тарусицкого и Ренинского станов)⁶.

В конце XVI в. и в первые полтора десятилетия XVII в. сельское хозяйство России пережило кризисы, в результате которых число «живущих» поселений на Северо-Востоке уменьшилось сначала более чем на треть (из 19 тыс. упоминаемых поселений более 9 тыс. числились пустошами), а затем и вовсе осталось «в живущем» меньше трети поселений, известных по описаниям⁷. Именно к периоду этих кризисов относятся дошедшие до нас акты, в которых и фиксируется плачевное состояние русской деревни. Несмотря на появление пустошей на месте существовавших селищ, деревень, селец и сел, в принципе территории волостей и станов не менялись, но иногда целые волости становились пустыми к XVII в.

Отметим, что оперирование географической номенклатурой XV–XVI вв. применительно к концу XIII – началу XIV в. довольно условно. Многих населенных пунктов, волостей, а тем более станов на заре существования Московского княжества попросту не существовало. Определение же местоположения появившихся в XV–XVI вв. сел и деревень позволяет верно локализовать первоначальную территорию московских волостей, в которых они возникли, а следовательно, и выявить границы московских владений в период, практически лишенный необходимых сведений.

Для воссоздания ситуации конца XIII – начала XIV в. намеченные границы следует значительно обобщить. Многих волостей и станов, чьи пределы намечаются по данным более позднего времени, в начальный период истории Московского княжества попросту не существовало, да и имевшиеся волости находились в процессе формирования, их территории увеличивались (часто за счет пустующих земель), приходили в соприкосновение друг с другом. До этого времени полосы незанятых, неосвоенных земель условно определяли границы между владениями⁸.

Первыми документами, фиксирующими территорию и границы Московского княжества, являются духовные грамоты великого князя Ивана Калиты⁹. На первый взгляд кажется достаточным локализовать те географические ориентиры, которые намечены в духовных грамотах, чтобы выяснить

территорию и границы Московского княжества к 1340 г. Однако здесь мы сталкиваемся с рядом проблем. Дошедшие до нас источники (акты XVI–XVII вв.) позволяют прежде всего лишь в общих чертах наметить территории тех волостей, которые были указаны в духовных грамотах Ивана Калиты и продолжали существовать в XV–XVII вв., изменив отчасти свои очертания, а иногда и вовсе принявших другие названия, разделившихся, запустевших и т. д. И, даже наметив заведомо условно границы известных по завещаниям Ивана Калиты волостей, мы не определим реальной территории Московского княжества времени этого князя, так как за пределами духовных Ивана Калиты остались многие земли: во-первых, освоенные и населенные московскими князьями в более позднее время и, во-вторых, просто не указанные составлявшим завещание князем (Можайск назван с волостями, но какими?). Прояснить данную ситуацию позволяют более поздние источники и прежде всего духовные и договорные грамоты московских великих и удельных князей.

Из духовной грамоты Дмитрия Донского мы узнаем наименования московских волостей, территории которых локализируются по актам более позднего времени. В других документах появляются новые коломенские волости и волости, вошедшие в состав Дмитровского удельного княжества (позже уезда) – результат московской колонизации. Перечисленные выше земли, еще пустовавшие, неосвоенные или не указанные в источниках, и при Иване Калите входили в состав Московского княжества, определяя его границы. Поэтому несправедливо сводить вопрос о границах Московского княжества времени Ивана Калиты «к надежности локализации порубежных населенных пунктов, которые упомянуты в духовном завещании князя», как это делает А.А. Юшко¹⁰.

Деление Московского княжества на части, намеченное Иваном Калитой к 1340 г., в общих чертах закрепилось и на дальнейшие времена, став основой для выделения уделов так называемой 1-й категории¹¹ – из ближних московских земель. Сложившаяся завещанием Дмитрия Донского система, когда основу уделов составляли земли ядра Московского княжества (1-я категория) с включением недавних московских приобретений («примыслов») (2-я категория) и сел так называемого московского «Городского уезда» (также 1-я категория), просуществовала до второй половины XV в., когда великий князь Василий Темный создал иную систему уделов, при которой завещаемые земли по возможности группировались компактно.

Смысл системы уделов, которую начал создавать Иван Калита, а завершил Дмитрий Донской, был в обеспечении единства князей московского рода при сохранении у них довольно большой хозяйственной и политической самостоятельности (дань родовым отношениям в среде московских князей). Удельная система, установившаяся после смерти Василия Темного, положила конец политическим притязаниям младших отпрысков великого князя московского и, с одной стороны, создав определенное экономическое благополучие московских княжичей, с другой стороны, поставила их под больший контроль великокняжеской власти.

Таким образом, изучение исторической географии московских земель будет способствовать решению ряда проблем политической и социально-экономической истории России, являясь прикладным и вспомогательным материалом при исследовании процесса возникновения российской государственности.

¹ Любавский М.К. Образование основной государственной территории великорусской народности (заселение и объединение Центра). Л., 1929.

² Юшко А.А. Московская земля IX–XIV веков. М., 1991.

³ Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. С. 109.

⁴ Кучкин В.А. Роль Москвы в политическом развитии Северо-Восточной Руси конца XIII в. // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967. С. 64.

Гісторыя

- ⁵ Дегтярев А. Я. Русская деревня в XV–XVII вв. Очерки истории сельского расселения. Л., 1980. С. 125, 128–129.
- ⁶ Готье Ю. В. Замосковский край в XVII в. Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. М., 1937. С. 574 и карта.
- ⁷ Дегтярев А. Я. Указ. соч. С. 125, 128–129.
- ⁸ Веселовский С. Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.; Л., 1947. Т. 1. С. 159.
- ⁹ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950. № 1. С. 7–10.
- ¹⁰ Юшко А. А. О пределах Московского княжества Ивана Калиты // Советская археология. 1985. № 2. С. 116.
- ¹¹ Назаров В. Д. Дмитровский удел в конце XIV – середине XV в. // Историческая география России. XII – начало XX в.: Сборник статей к 70-летию профессора Л. Г. Бескровного. М., 1975. С. 47.

Темушев Виктор Николаевич – преподаватель кафедры истории России.

Е. В. ЖИТЬКО

ВЫПУСКНИКИ ЮРИДИЧЕСКИХ ФАКУЛЬТЕТОВ УНИВЕРСИТЕТОВ НА СЛУЖБЕ КОРОЛЕВСКОЙ ВЛАСТИ ГЕРМАНИИ (вторая половина XIV–XV в.)

Процесс интеграции нового поколения юристов в ведущие позиции административно-правовой практики, традиционно занимаемой на протяжении XIV–XV вв. дворянами, завершился в XVI в. Университетское образование становилось необходимым фактором общественной жизни Германии, что объяснялось возросшей потребностью в юристах на службе церкви, светской власти и городов. Социальная структура обучавшихся в высших школах сместилась от клириков, имевших доходные церковные бенефиции, к патрициату, от статуса “странствующих школяров” к учебе для дальнейшей карьеры на службе у королей и территориальных князей, к четко выраженным мотивам университетских штудий. Изменяются приоритеты от теологии и средневековой философии к юриспруденции, к желанию светской и церковной власти “организовать и дать привилегии юристам, сформировать определенное профессиональное самосознание” рассматриваемой академической группы¹.

Прерогатива образования подтверждается постановлением папского легата от 1427 г. о том, что должность официала (церковного судьи) может быть занята доктором или лицензиатом права². Подобные распоряжения встречаются и в городской канцелярии. Например, в Вене в 1554 г. необходимой предпосылкой для работы в качестве адвоката, прокуратора или нотариуса являлось обучение на юридическом факультете университета³. Документальное подтверждение необходимости привлечения королевской властью компетентной юридической силы встречается в 1438 г. в проекте реформ имперского мира короля Альбрехта II (1438–1439), в распоряжениях имперского верховного суда, занятого “мудрыми, понимающими рыцарями и учеными”, а уже в 1495 г. имперский верховный суд предусматривал паритетное занятие должностей в суде докторами и рыцарями, причем последние по возможности должны были быть образованы в праве⁴. Допуск к должности прокуратора предполагал не только юридическую степень, но и дополнительно теоретические, практические экзамены для соискателя членами верховной судебной палаты⁵.

Приведем данные о персонале королевской администрации, имевшей университетское образование. Просопографические исследования с 1273 по 1493 г. показали, что юристов североальпийского происхождения насчитывается 230 человек (в это число не входят итальянские правоведы, особенно представленные во времена короля Сигизмунда (1410–1437)). Ко времени 1273–1347 гг. относятся 27 (12 %), 1346–1410 гг. – 65 (28 %) и, на-

